

*Автор спешит предупредить
многоуважаемого читателя,
что герои и события нижесле-
дующего романа вымышленные.*

В Венецию после свадьбы мы с Власом не поехали! И вовсе не потому, что поссорились и на следующий день собрались разводиться! Просто в моей жизни произошло два совершенно невероятных и неожиданных события.

Но нет, нет, нет! Все по порядку!

* * *

Пр... Пр...Прррр... Тьфу! Проклятый телефон!

— Да! Да! — раздраженно крикнула я. Надо же, такое хорошее начало оборвали! Можно сказать, на полуслове!

— Маша! Корытникова! Ты что, меня не слышишь? — это оказалась Любочка — мой редактор.

— Слышу, очень хорошо слышу, — моментально успокоилась я, крутя в руках бельевую прищепку.

— Я еще раз хочу тебя поздравить с законным браком и все такое... Но, согласись, с Кронским все-таки ты поступила не очень хорошо. Жаль его — не может пе-

ренести твоей свадьбы, все пьет. А какой талант! Какие детективы писал! Ну да ладно! Я звоню совершенно по другому поводу. Ты начала писать третью часть своих «Записок»? — спросила она, и мне показалось, что, если я скажу «нет», из трубки появится Любочкина рука и придушит меня.

— Сегодня с утра как раз и приступила.

— Ты послушай и прими к сведению то, что я скажу, — официальным тоном проговорила мой редактор. — Даже я запуталась в твоих родственниках, подругах и бывших мужьях! А ты представь, если читатель купит третью часть, не ознакомившись с первой и второй?

— И что? — недоумевала я.

— Да он вообще не разберется, кто кому кем приходится! Подумает, что книгу написала какая-то сумасшедшая о таких же ненормальных типах, как она сама.

— Так зачем читать третью часть, когда есть еще первая и вторая? — Я не понимала ровным счетом ничего.

— А это не тебе решать, какой именно том он купит! Ты напиши в начале третьей части краткое содержание первых двух! — потребовала Любочка.

— Это как?

— Как в сериалах — там ведь рассказывают, что происходило в предыдущих сериях!

«Вот глупость-то!» — подумала я и снова спросила:

— Это как?

Чувствуя, что терпение Любочки на пределе и нужно что-то немедленно предпринять, я вдруг схватила бельевую прищепку и, зажав ею нос (благо я предварительно разболтала ее, теребя в руках, — так

что теперь не было опасности задохнуться), заговорила интонацией известного переводчика многих знаменитых фильмов, чей закадровый голос узнает не одно поколение киноманов.

— Эту историю рассказывает сам автор — писательница любовных романов Мария Алексеевна Корытникова, — гундосила я в трубку. — Мне тридцать три года. Маму мою зовут Полина Петровна, а ее мужа, моего отца, который старше ее на тринадцать лет, — Николаем Ивановичем. У них есть дом в деревне Буреломы (что находится в средней полосе России), где они проводят большую часть календарного года со своими двадцатью кошками. То есть проводили. Потому что кошек отправили в Германию, — я, почувствовав, что сама начинаю запутываться в этой непростой истории, замолкла на минуту, поправила прищепку на носу и, услышав, как Любочка хихикает на том конце провода, продолжала: — Но не буду залезать вперед. Еще у меня есть бабушка — Вера Петровна Сорокина, которая сорок три года преподавала в интернате для умственно отсталых детей. Ей совсем недавно исполнилось восемьдесят восемь лет, и оттого я прозвала старушку Мисс Двойная Бесконечность...

— Объясни, почему, — перебила меня Любочка, давась от смеха — голос у меня и вправду был сейчас, как у того самого переводчика многих знаменитых фильмов, который узнает не одно поколение киноманов.

— Потому что перевернутая горизонтально восьмерка в математике обозначает бесконечность. У нее есть сын Жорик (старший брат моей мамы), у Жорика есть гражданская жена Зоя. Вообще-то мы с мамой

между собой называем ее «гузкой» из-за поразительного сходства с жирной рождественской... нет не гусыней, а гузкой, с которой стекает жир. А вместе, как одно целое, эта пара называется Зожорами.

У меня есть друзья — Анжела, Икки и Пульхерия, — наше содружество, основанное в те далекие времена, когда последняя из них (то есть Пулька) нередко подкидывала дохлых мышей в койку первой (то есть Анжелке), тем самым приводя в ужас воспитательницу младшей группы детского сада. А девять лет назад к нам примкнул мой бывший сокурсник — переводчик с французского, испанского и английского языков — Женька Овечкин. — Нос нестерпимо болел, но я перевела дух и героически продолжала: — Икки — фармацевт, Анжелка Поликуткина (в девичестве Огурцова) — бывшая балалаечница, но сейчас в декретном отпуске по случаю рождения второго ребенка, Пульхерия — гинеколог. О Кронском, которого ты, Любочка, так жалеешь, — я перешла на личности, — я говорить не желаю — он мне изменил прямо в лифте с отвратительной коровой, а потом я застучала его с уборщицей на урне для окурков прямо у тебя под носом — в редакции.

Недавно я вышла замуж за Власа — внука хорошей бабушкиной знакомой, Олимпиады Ефремовны, с которым мы отдыхали двадцать лет назад на море, а моя подруга Икки — за Женьку Овечкина. Но это было после того, как Влас вызволил меня из холодного сарая злобной вдовицы Эльвиры Ананьевны, что живет неподалеку от Буреломов и торгует в рыбной лавке со своими чадами Шуриком и Шурочкой на центральной и единственной площади райцентра.

Именно по ее указке меня и похитили. Соседка по деревне — Нонна Федоровна Попова разболтала всем, что на территории нашего огорода находится неисчерпаемое месторождение нефти. Узнав сию новость, вдовица во что бы то ни стало решила стать нефтяным магнатом, из-за чего, собственно, и затеяла всю эту канитель с похищением — хотела прибрать к рукам нефтяные залежи посредством женитьбы своего полоумного сына Шурика на мне. А пока мамаша с Николаем Ивановичем тщетно разыскивали меня в Москве, Эльвира Ананьевна, втесавшись в доверие, вызвалась присмотреть за кошечками и вместе с бездомными, подобранными нами на помойке зверушками, отправила в немецкий приют и мамашиних пушистиком. Однако, к ее великому огорчению, вместо залежей нефти на нашем участке обнаружили залежи жидкого органического удобрения животного происхождения, потому что когда-то на месте нашего огорода располагался колхозный коровник. Но вдовица и тут не растерялась — решила торговать навозом на обочине дороги, — у меня было такое ощущение, что еще минута, и бедный мой нос отвалится, поэтому я сказала: — Подробнее смотри первую и вторую части эпопеи. Конец фильма. — И, отцепив прищепку, я посмотрелась в зеркало — нос был пурпурным, как у беспробудной пьяницы.

— Вот так все и напиши! — Любочка еще хихикала. — Да, кстати, подумай и о любовном романе. Нельзя же писать только о себе. Пока.

«Так и напиши! — возмущенно подумала я, проверяя, на месте ли нос. — Да ни за что!»

* * *

Поехали дальше!

Так вот. Сразу после свадьбы Власик взял отпуск на неделю, и мы решили провести это время, лежа в постели, наслаждаясь друг другом. В Венецию же мы подумываем отправиться в самое ближайшее время — когда мой муж (как непривычно звучит — «мой муж»!) наладит все дела у себя в автосалоне, а также поможет своему старшему коллеге по бизнесу — Илье Андреевичу — в разрешении некоторых щекотливых вопросов. Вот тогда-то он уйдет в нормальный, так сказать, полноценный отпуск на месяц, и мы наконец рванем в Венецию, где я мечтаю очутиться больше, чем в какой бы то ни было точке земного шара. Уверена, что это самое загадочное и неповторимое место на свете! Хоть Влас и утверждает, что лучшее время для поездки туда — май, потому что именно в это время года там отсутствуют запахи разложения (он как-то так и выразился: «запахи разложения»), но я ему не верю. В моем воображении воздух Венеции сохранил тонкие ароматы духов, которыми пользовались средневековые куртизанки, соблазняя вояжеров. И точка!

Ну что ж, а сейчас у нас наступила медовая неделя. Тоже неплохо — поваляться в дождливую погоду в кровати с любимым человеком, к тому же с законным супругом (нет, все-таки эти словосочетания «официальный муж», «законный супруг», бесспорно, режут ухо).

Первая брачная ночь у нас прошла не самым лучшим образом — вернее, не так, как она должна была пройти. Влас не подхватил меня на руки и не отнес в спальню — в ту ночь (точнее сказать, утро) я дошла до

постели на своих двоих полусогнутых от усталости ногах, после того как закончила вторую часть «Записок» и отправила текст по электронной почте Любочке, в то время как мой благоверный уже разглядел все свадебные подарки и спал безмятежным, младенческим сном. «Зачем будить человека? Ведь у нас впереди вагон времени — целая неделя!» — подумала я и, беззвучно раздевшись, легла к нему под бочок.

*Медовая неделя. День первый.
Воскресенье*

Сквозь густую пелену сна я почувствовала, как кто-то провел по моей ноге чем-то холодным.

— Уы-ы-у! — не то простонала, не то прорычала я.

Приоткрыв левый глаз, я увидела перед собой кисть красного винограда.

— У-у-у! — снова заголосила я и забралась с головой под одеяло. Не знаю, сколько было времени, но я смертельно хотела спать.

— Машка, вставай! — голова Власа оказалась тоже под одеялом.

— Я посплю чуть-чуть, капельку, — невнятно пробормотала я, боясь, что сон уйдет и целый день у меня будут воспаленные глаза и тяжелая голова.

Я снова задремала, мне даже Венеция приснилась, как вдруг Влас подпрыгнул на кровати и воскликнул:

— Черт!

— Что случилось? — Я мгновенно проснулась.

— Я сел на этот проклятый ледяной виноград!

— Встань немедленно, а то придатки засту-

дишь! — не помня себя, закричала я — моя любовь уставилась на меня, как на сумасшедшую. — Ну, я спро- сонья плохо соображаю. Пулька так всегда говорит: «Не сиди на холодном, а то придатки застудишь», — выкрутилась я.

— Маш! Ты мне объясни, что у нас за брачная ночь такая?! Никакой романтики! — насупился Влас. — Всю ночь просидела за компьютером, спишь до полудня!

— Да ладно тебе, у нас полно времени! — утешила я его и, чтобы поднять ему настроение (ну, может, и еще кое-что), принялась намазывать на себя раздавленные ягоды. Он смотрел на меня, не понимая, что от него требуется, а может, думал, что я наношу пита- тельную маску на все тело. — Целуйте меня, кружите меня, обнимайте меня, любите меня! — завопила я и неожиданно для себя завалилась на подушки и загого- тала, как лошадь.

— Маш! Ты все белее перепачкала!

— Перепачкала! Эх, ты! — разочарованно протя- нула я, глядя на красно-бордовые пятна от виногра- да. — Просто я девственница! Иди ко мне, мой нытик! Иди сюда, моя чистоплюйная душа! Иди к своему по- росенку! — тараторила я, не в силах остановить не- приличный хохот — такое впечатление, что виноград оказывал на меня смехотворное действие.

— Дурочка! — засмеялся он и, набрав в рот воздух, нырнул под одеяло и уткнулся мне в живот. Я больше не могла сдерживаться и загоготала на всю квартиру:

— Щекотно! Ха! Ха! Ха! Хо! Хо! Хо! Пусти!

Вывернувшись, подобно змее, я съехала с шелко- вой простыни на холодный паркет, тут же вскочила и вылетела пробкой из комнаты.

— Куда?! Куда?! — недоуменно кричал Влас из спальни.

— Догоняй! Сейчас не догонишь — закроюсь в ванной! — ультимативно орала я из кухни.

Мы гонялись по квартире, как два ненормальных, сошедших с ума перерослых «дитятки», пока я не услышала грохот и отчаянный возглас любимого:

— Чертов виноград!

— Что случилось?

Влас сидел у кровати на том самом месте, на паркете, где до него уже успела посидеть я.

— Поскользнулся! — Он держался за поясицу.

— Согни ноги, руки! Встань! — с тревогой в голосе приказывала я. — Ничего не сломал? Где болит?

И тут неожиданно Влас схватил меня и опрокинул на кровать.

— Так нечестно! Это была уловка! Я не согласна! Догоняй! Хитрая bestия!

— Я победил! — с достоинством заявил Влас и сел на меня верхом в знак превосходства над проигравшей стороной. — Теперь не отвертись!

Пр... Пр... Прррр... Противно задрезжал телефон.

— Что им от нас нужно?! Вот ты мне скажи! Кому мы понадобились?

— Никому, просто ты схитрил, а бог шельму метит! — с наслаждением заметила я.

— Тьфу! — плюнул Влас и вышел из спальни, а через минуту я услышала: — Да, Илья Андреевич, конечно, Илья Андреевич. Как можно?! Конечно, я проверю! Когда? Через полтора часа уже быть на месте? — В голосе Власа прозвучали печальные нотки. — А можно я с Машей приеду? Грязь? Мат? Мужики?

А, ну если конфиденциально, тогда понятно. Документы готовы? Хорошо, я сейчас же выезжаю. Да, обязательно позвоню, как приеду. Понял. Понял. Все понял, Илья Андреевич, выздоравливайте и не волнуйтесь, вам это вредно.

Я, обмотавшись испачканной простыней, вышла в коридор и спросила:

— Что случилось?

— Илья Андреевич приболел — старика мигрень совсем замучила, да и сердечко что-то барахлит. Попросил меня подъехать, проконтролировать поставку крупной партии автомобилей из-за границы. Это очень большая честь для меня! — ревностно заключил Влас.

— И когда ты вернешься?

— Вечером. Не расстраивайся! К тому же ты сама сказала, что у нас еще полно времени! Ты ведь знаешь, что я не могу отказать Илье Андреевичу и как много он для меня значит!

Да, я прекрасно знала, что Влас имеет какую-то ненормальную слабость к своему старшему коллеге с изуродованным родимым пятном фиолетового цвета лицом, жизнь которого, по его словам, сопоставима лишь «с судном среди морей, гонимым отовсюду вероломными ветрами». Так же трепетно он относился только к своей бабушке — Олимпиаде Ефремовне, близкой подруге Мисс Бесконечности.

— Конечно, — равнодушно проговорила я — мне очень не хотелось отпускать Власа сегодня. Я мечтала провести этот день вместе, гоняясь и хохоча по его огромной квартире.

— Дорогуша! — крикнул он из ванной. — Я приеду, и мы вечером пойдем в ресторан. Обещаю!

Через десять минут мой законный муж стоял уже одетый и готовый к контролированию крупной поставки автомобилей из-за границы. Он чмокнул меня напоследок и исчез в лифте. Мне ничего не оставалось, как принять ванну, поменять испачканное вином градом белье и досмотреть сон о Венеции.

Проснулась я, когда за окном было совсем темно. «Где я? Что сейчас — ночь? Утро?» — крутилось в голове. Тут я вспомнила о звонке Ильи Андреевича, о его просьбе, о ресторане и, вскочив с кровати, включила свет. Десять часов вечера. Я бросилась к гардеробу и принялась судорожно выбирать платье для похода в ресторан. Пока я причесывалась, одевалась, собиралась, стрелки часов плавно и незаметно переместились на полтора часа вперед и показывали половину двенадцатого. Власа все еще не было. Я позвонила ему на сотовый, но «мой абонент» был временно недоступен. При полном параде я просидела до четырех утра. В пятом часу с той стороны двери повернулся ключ, и на пороге появился Влас — усталый, истерзанный, по колено перепачканный в глине — такое впечатление, что он на себе тянул откуда-то из Подмосковья в автосалон Ильи Андреевича каждую машину из крупной зарубежной поставки.

— Что произошло? — спросила я.

— Все в порядке. Я выполнил возложенную на меня Ильей Андреевичем миссию, не уронив чести и достоинства.

— Это самое главное, самое главное! — горячо, с пониманием проговорила я и, раздев его, помогла добраться до кровати. Через минуту спальню заполнил прерывистый нездоровый храп.

Второй день медовой недели.
Понедельник

На следующее утро я приготовила нехитрый завтрак, пока мой супруг-трудоголик еще спал, и поставила поднос на кровать прямо у него перед носом, чтоб запах кофе вывел его из состояния забытья и заставил обратить наконец внимание на свою женушку. Сегодня я даже не стала бы от него бегать — сдалась бы без боя! Минуты две я смотрела на посапывающего Власа, разглядывая его тяжеловатый подбородок — упрямый и настойчивый, коротко подстриженные волосы ежиком, припухлые веки. И тут совсем не к месту мне вспомнился Лучший человек нашего времени, как его назвала пресса, — Алексей Кронский: зачесанные назад вьющиеся светло-русые волосы, брови с изгибом, почти черные, соболиные, нос, чуть похожий на клюв хищной птицы... Даже запах его любимой туалетной воды стоит в носу... «Глупости какие!» — удивилась я сама себе, как вдруг Власик выпростал из-под одеяла тяжелую расслабленную руку и уронил ее со всей силы на поднос с дымящимся кофе.

— А-а-а! — завопил он и вдобавок подпрыгнул на кровати — поднос перевернулся, и горячий кофе выполнил возложенную на него функцию — он окончательно разбудил моего благоверного, ошпарив его детородный орган. Влас орал нечеловеческим голосом.

— Дай я подую, дай подую! — суетилась я. — И что за идиотская привычка прыгать на кровати!

— А что за дурацкая идея приносить кипяток в постель! — взвыл он и убежал в ванную. Я нашла в холодильнике спрей от ожогов и забарабанила в дверь.

— Власик, возьми, попрыскай вот этим препаратом! Это очень хорошее лекарство, с маслом облепихи! — Из ванной комнаты высунулась рука и со злостью схватила баллончик. Я стояла, с трепетом ожидая выхода искалеченного мужа в коридор. — Ну, что? Как там? — со страхом спросила я, указывая на поврежденный орган под полотенцем.

— И ты еще спрашиваешь?! — укоризненно проговорил он.

— Ты нанес лекарство?

— Сразу надо было наносить! — трагично заметил он и враскоряку направился на кухню.

«Все! Я потеряла мужа, — с ужасом думала я. — Теперь он останется мне просто другом и не более того! И зачем я только принесла ему этот проклятый завтрак в кровать? Никогда не было у меня такой привычки!»

— Власик, прости меня! Я ведь хотела как лучше, хотела сюрприз тебе сделать!

— Считаю, что тебе это удалось! — со злостью бросил он.

— Ну, знаешь что! — вспылила я. — Я не виновата, что ты своими нерелексивными действиями опрокидываешь чашки с кофе, который с любовью варит для тебя жена, и что ты прыгаешь на постели, как молодой козлик! И это не дает тебе права так безобразно относиться ко мне на второй день нашей медовой недели! — Я сделала вид, что страшно обиделась, и ушла в кабинет.

Достав с полки первую попавшуюся книжку, я залезла в кожаное кресло с ногами. Из тех двадцати страниц, что прочла, я не поняла ровным счетом ни-

чего, и не потому, что книга была какая-то заумная — нет, я размышляла о том, какое место в супружеской жизни занимает секс и можно ли без него обойтись вовсе. На двадцать первой странице в кабинет вошел Влас (если то, как он появился, можно назвать «вошел» — скорее он вполз) и воскликнул:

— Опять ты загибаешь страницы в книгах! Ты что, никогда не слышала о существовании закладок?!

— Не срывай на мне зло! Я знаю, что ты добрый и тебе наплевать на книги — ты их все равно не читаешь! Иди ко мне, мой бедненький мальчик! Покажи своей дурочке Маше, что у тебя болит!

— Не покажу!

— Поехали к Пульке в больницу! — вдруг выдала я.

— Она же гинеколог!

— Какая разница! — воскликнула я, но тут же поправилась: — Она ведь не в женской консультации работает, а в больнице! Что у них там, уролога, что ли не найдется?

— Не поеду, — категорично сказал он.

— Почему это? Приятно ощущать себя жертвой? — съязвила я.

— Не собираюсь я показывать всем подряд свои сокровенные части тела! Не поеду! — отрезал он и заковылял в спальню.

Остаток дня Влас провалялся в постели, а я то и дело просила прощения и спрашивала:

— Ну, как там дела, не получше?

Судя по тому, что ночью мы спали как брат и сестра, отвернувшись друг от друга, дела *там* были не получше.

Третий день медовой недели.
Вторник

Состояние моего любимого оставалось критическим до середины дня.

— Может, действительно стоит обратиться к врачу? — робко спросила я.

— Я сказал — нет! — рявкнул Влас, но буквально через час после этого моего предложения он перестал ходить враскоряку — походка его с каждым шагом становилась все увереннее, и жертва горячего утреннего кофе вскоре примирительно сказала: — Ладно, Маш, я тоже был неправ. Ты ведь хотела как лучше... Иди сюда!

Я на цыпочках, боясь причинить ему страдания, прокралась к кровати и осторожно села рядом. Влас страстно привлек меня к себе, поцеловал — я не менее страстно попыталась помочь ему раздеться...

— Ой-ей-ей! — закричал он.

— Что такое? — Хоть вообще не прикасайся!

— Боюсь, Маш, что сегодня я еще не совсем готов... Ничего, наверное, не получится, — разочарованно пробормотал он.

— Ничего страшного, я все прекрасно понимаю! Ты перенес такую травму... Шутка ли!

— Слушай, а поехали в ресторан?! Я ведь тебе обещал!

— Поехали! — мгновенно согласилась я и полетела собираться.

Подняв волосы вверх и прицепив любимую перламутровую заколку, я завила кончики прядей щипцами. «Надо же, как волосы отросли! Стричь или не стричь?» — размышляла я, просматривая гардероб.

Как всегда — одна и та же проблема: в чем пойти? Вроде бы нарядов много, а надеть нечего — в синем платье слишком выхвачена пройма, на изумрудном — жирное пятно от курицы, черное — как-то слишком уж траурно и к тому же последнее время этот цвет мне не особо идет... Вот! Платье перламутрового цвета! «Нужно отталкиваться от любимой заколки!» — решила я, хотя заколка была не видна за волосами, но платье сидело на мне великолепно — так, что, покружившись перед зеркалом, я понравилась сама себе.

— Поехали! — сказала я. Влас оглядел меня с головы до ног и вдруг нерешительно проговорил:

— Маш, а ты не могла бы надеть что-нибудь другое?

— Почему? Что-то не так с платьем? Я не понимаю!

— Ну... — замялся он. — Оно слишком откровенное.... Вырез — почти декольте... И потом, видны все твои прелести... На тебя будут все пялиться, а я этого не перенесу!

— Глупости какие! — фыркнула я. — Это самое закрытое и целомудренное платье в моем гардеробе! Может, мне паранджу надеть?! Сейчас договоришься до того, что я вообще никуда не поеду!

— Хорошо, — смирился Влас, — но, если мужики будут пожирать тебя глазами, я за себя не отвечаю!

«Господи! Кому я нужна, чтобы пожирать меня глазами! Мне тридцать три года! Мало, что ли, девочек молоденьких? Нет, все-таки Влас такой чудной! А может, ему подсознательно хочется, чтобы меня пожирала глазами и обращали на меня внимание? Странно, но я не могу понять своего мужа! — размыш-

ляла я по дороге в тихий, уютный кабачок «Три бочки». — Но, несмотря ни на что, я очень люблю его».

— Власик, я очень, очень тебя люблю! — воскликнула я, переполненная нежными чувствами к своему супругу, и в доказательство поцеловала его в щеку. — И никогда-никогда ни на кого не обращаю внимания и никто-никто мне не нужен! Ты самый, самый, самый, самый!.. У меня нет слов, чтобы выразить, какой ты самый-самый и как я тебя люблю! Обожаю просто!

Мы припарковались возле «Трех бочек», и я так сильно обхватила Власа за шею от переизбытка чувств, что послышался хруст его позвонков.

— Машенька! Я тоже тебя люблю! Ты себе не представляешь, как я тебя люблю! И надо же было мне ошпариться!

Сегодня в «Трех бочках» звучала живая музыка, в центре зала танцевали две пары; мы сели у окна и сделали заказ.

— Машка! Люблю я тебя просто как ненормальный! — продолжал он, помогая снять мне осеннее пальто. — Что я говорил-то? Ах да! — вспомнил он. — Надо же было так неудачно ошпариться! Ладно там руку или ногу, скажем... Ну, на худой конец, лицо даже, — Влас подумал и добавил: — Если не сильно! А тут, как нарочно!

— Не переживай! Все равно мы теперь друг от друга никуда не денемся!

— Точно! Давай выпьем за это по бокалу красного вина! — обрадовался он тому, что мы никуда уже друг от друга не денемся. — До дна! До дна! — настаивал он.

Мы пили вино до тех пор, пока нам не принесли закуску (а несли ее, надо заметить, довольно долго), — и за счастье в нашей дальнейшей совместной жизни, и

за здоровье нашего еще не родившегося и даже не зачатого ребенка, и за то, чтобы он окончил школу на круглые пятерки и получил золотую медаль. Потом у меня зашумело в голове, и я ощутила острое желание потанцевать.

— Власик, пойдём танцевать! — легкомысленно воскликнула я.

— Маш! Ну как я танцевать-то буду? Я еле хожу! — прошептал он, и в этот момент ко мне подошел молодой человек в прямом смысле этого слова (по крайней мере выглядел он моложе меня лет на десять), высокий, стройный, со смазливой физиономией, и спросил Власа:

— Можно пригласить вашу даму?

Влас, метнув на него злобный взгляд, укоризненно посмотрел на меня, продолжая молчать.

— Нехорошо такой очаровательной девушке скупаться, — настаивал тот.

— А что, вам потанцевать не с кем? — желчно спросил мой благоверный.

— Не-а, я сюда с друзьями пришел, а танцевать с мужчиной как-то неудобно. Еще неправильно поймут.

— Только один танец, Власик. Я быстро! — сказала я и, воспользовавшись паузой, выпрыгнула в центр зала.

Медленный танец плавно и незаметно перешел в зажигательный латиноамериканский, затем снова в медленный, а когда дело дошло до рок-н-ролла и молодой человек, которого, как выяснилось, звали Яковом, лихо перевернул меня в воздухе — так, что дух захватило и я моментально протрезвела, к нам подско-

чил Влас, грубо дернул меня за руку и потащил к машине.

— Как ты могла?! Танцевать с первым встречным, совершенно незнакомым тебе человеком! — отчитывал он меня по дороге домой. — Ты никогда не отличалась постоянством! В детстве связалась с двоечником с Крайнего Севера и целовалась с ним у костра на моих глазах! Мало того, даже замуж за него собралась! — Он снова припомнил мне историю двадцатилетней давности — поразительно! — А взять это лето, на море! Та же самая история! Стоило мне только отлучиться на несколько минут за черешней, как ты тут же схлестнулась с каким-то слащавым мерзавцем, снова целовалась у меня на глазах и вдобавок назначила ему свидание в гостинице, как последняя... — он осекся. Вовремя остановился!

— Как последняя — кто? — грозно спросила я, когда мы уже вошли в квартиру, но Влас молчал, видимо, подбирал существительное, которое могло бы сочетаться с прилагательным женского рода «последняя», но, так ничего и не придумав, продолжил:

— И эти твои три предыдущих брака! Они тоже о многом говорят! Да и вообще я знал, что все так и будет!

— Как — так?

— Так, как сейчас! Я просил тебя снять это вульгарное, откровенное платье! — Он схватился за его подол, будто проверяя материал на прочность. — Нет, это ж надо пойти танцевать с первым встречным! — никак не мог успокоиться Влас.

— Вот именно! Я с ним танцевать пошла, а не куда-то там непонятно куда! — Сама не поняла, что сказала.

— Нет, зря я на тебе все-таки женился! — бухнул Влас.

— Что-о? — ошалело протянула я. — Ты говоришь мне такие вещи только из-за того, что я с кем-то потанцевала?! И это на третий день нашей медовой недели?! — Я была вне себя. Не спорю, может, я вела себя в «Трех бочках» неправильно, может, не стоило отплясывать рок-н-ролл с незнакомцем, но, во-первых, мне очень хотелось танцевать, а Влас, даже если б он и не ошпарился, ни за что на это не согласился бы, потому что вообще не умеет двигаться, во-вторых, от его настойчивых возгласов «пей до дна!», «пей до дна!» у меня зашумело в голове, и я подчинялась лишь своим желаниям, а в-третьих, ничего предосудительного в том, что произошло, я не вижу, к тому же я на отдыхе и могу позволить себе хоть немного расслабиться!

Подойдя к нашей кровати, Влас демонстративно подхватил свою подушку, достал из шкафа одеяло и, не проронив ни слова, ушел спать в гостиную, оставив меня наедине со своими невеселыми мыслями. «Надо же, какой обидчивый! Наверное, трудно ему придется! Обижаться — глупо. Так не приобретешь никакого жизненного опыта. Нужно просто делать выводы из складывающихся ситуаций и поступков окружающих, — поначалу думала я, лежа в темноте. — И ревнивый какой! Уже сейчас из-за всяких пустяков ревнует. Что ж потом-то будет? Через год, два?» Мне вдруг стало не по себе. И чем больше я размышляла о сегодняшнем вечере, тем сильнее мною овладевало чувство сомнения: правильный ли шаг я сделала, выйдя за Власа замуж? Хорошо ли я подумала перед тем, как согласиться стать его женой? Кажется, и он уже жалеет о том, что женился на мне. Он так и сказал:

«Зря я на тебе женился!» Может, мы оба поторопились? Неужели в скором времени из-за какого-то пустяка нам придется развестись?! Наверное, это я виновата! Все мои предыдущие браки были недолговечными! Один раз я вообще разошлась после двух недель совместной жизни! Конечно, дело во мне — это я какая-то ненормальная, со мной никто не может ужиться. Другие женщины прикладывают невероятные усилия, чтобы сохранить мужа, семью, боятся остаться одни, быть никому не нужными. А я никогда не боролась за свой брак и всегда первая предлагала расстаться, как только чувствовала, что отношения сходят на нет. А может, из-за того, что я всегда боялась, что бросят меня? Первую? Скорее всего это так. Я бы не перенесла, если б хоть один из моих бывших мужей сказал мне: «Дорогая, у нас с тобой нет ничего общего, нам нужно развестись». Или: «Маша! Я тебя больше не люблю и не любил никогда, я просто думал, что люблю. На меня нашло затмение, когда я предложил тебе руку и сердце, а теперь оно прошло. Пошли разводиться!»

Я все думала и никак не могла заснуть. Не знаю, сколько было времени, когда я вспомнила о нашем с Власом летнем романе, о том, как он подарил мне кольцо с сапфиром и предложил руку и сердце, как я согласилась, как после этого мы поехали на море. И как, прочитав мой первый том «Записок», где я описала всех своих родных, подруг и любовника Кронского, Влас сказал, что свадьбы не будет. Он приревновал меня к Кронскому, с которым к тому времени я порвала все отношения. И сколько бы я ни доказывала ему, что существует в литературе такое по-

нятие, как «художественный вымысел», Влас был непоколебим, и мы расстались.

Но безвыходная ситуация свела нас снова. Сидя в холодном сарае глухой деревни у злодейки Эльвиры Ананьевны, которая похитила меня с центральной и единственной площади райцентра неподалеку от Буреломов, рассчитывая насильно выдать замуж за своего чокнутого сыночка Шурика, я овладела его мобильным телефоном и смогла дозвониться только до Власа. Он приехал и спас меня. С того дня мы снова вместе. Может, это судьба? Не знаю. Ничего не понимаю!

Потом вдруг мысли переметнулись к Лучшему человеку нашего времени. Перед глазами стоял его образ, я снова вспомнила запах его туалетной воды, а его слова так и звучали в ушах: «Он дурак — твой жених! Дубовый обыватель, которому не дано понять твоей тонкой натуры. Его всегда будет раздражать твоя несобранность и рассеянность. Наверняка он бесится, когда ты разбрасываешь вещи по квартире и лепишь на всех стенах свои неповторимые плакатики-памятки!»

«Да что за ерунда! Почему я думаю о Кронском! — разозлилась я на себя. — Два раза он изменил мне прямо у меня на глазах! Этого мало? И потом, я замужем и люблю Власа!» — заверила я себя и вскоре наконец заснула.

Под утро мне привиделся странный сон. Будто бы я стою на мосту через реку — я ощущаю это, но ничего не вижу, потому что вокруг густой туман. Я чувствую запах реки и знаю, где я, как это часто бывает во снах. Туман постепенно, очень медленно рассеивается, и я различаю две фигуры — они стоят вдалеке от меня по

разные стороны моста. Один из них Власик, другой — Кронский. У Власа такое печальное лицо, что сердце кровью обливается, а Лучший человек нашего времени, напротив, хохочет во все горло. Вдруг Влас поворачивается ко мне спиной и хлоп в реку рыбка. Я бегу посмотреть, не утонул ли он, но его нигде нет, а Кронский продолжает смеяться.

Четвертый день медовой недели.

Среда

Я проснулась в холодном поту и, открыв глаза, решила немедленно отправиться в гостиную — проверить, не утонул ли Влас. Я скинула одеяло, повернулась и увидела его на пороге.

— Власик! Любимый! Ты жив! Господи, как я перепугалась! Мне приснился такой ужасный сон! Будто ты утонул. Я бегу за тобой, но тебя нигде нет! Нигде! Ни в реке, ни на берегу, ни на мосту! — и я неожиданно для себя захлюпала. Вообще-то я редко плачу, а Влас вообще никогда не видел моих слез, но тут меня что-то разобрало: хлюпанья переросли в настоящий рев. Мне стало стыдно, что я становлюсь истеричкой, и я тут же спрятала голову под подушку.

— Машенька! Ну, что с тобой? Любовь моя! — Влас присел на кровать и погладил меня по спине, отчего я заревела еще сильнее. — Господи! Что ж делать-то? Что ж делать-то? — бормотал мой законный супруг, совершенно растерявшись. — Машенька! Пожалуйста! Покажи мне свое личико!

— Оно некрасивое-е-е! — проурчала я под подушкой.

— Оно всегда для меня красивое! — Он вытащил меня на свет божий и гладил по голове. — Что случилось? Почему ты плачешь?

— Мне приснилось, что ты утону-у-л! Я так испугалась! А главное, что я тебя не могла спасти! Ты, наверное, уже ушел под воду-у-у! — заливалась я.

— Птичка моя, но это всего-навсего сон! Я живой! Целый и невредимый, — утешал он меня, — с одним незначительным дефектом, да и его скоро не будет.

— Не будет? — я мгновенно успокоилась.

— Да, дело идет на лад, только когда в следующий раз вздумаешь принести мне кофе в постель, сначала разбуди. Хорошо? — и Влас нежно, по-отечески, поцеловал меня в лоб, однако этого ему показалось мало, и он чмокнул меня в щеку, потом в другую, а потом так увлекся, что, кажется, забыл о своем дефекте. — Зачем ты на ночь надеваешь пижаму? — задыхаясь от страсти, он пытался стянуть ее с меня.

— Потому что один раз я запуталась в ночной сорочке так, будто на мне была смирительная рубашка с завязанными рукавами! Я чуть не задохнулась! Пробовала и майки, и шелковые топики, и даже кружевные комбинации! Но нет — все не то. Шелк скользит и поднимается до подмышек, кружева колются, а спать абсолютно голой зимой — холодно, а летом — из-за проклятой жары слипаются все части тела, словно их намазали клеем БФ.

— Птичка моя! — пролепетал Влас, и мне показалось, что на глазах его выступили слезы умиления.

И когда с пижамой было покончено, в самый ответственный момент отвратительно задребезжало: «Пр... Пр... Прррр...»

— Да что ж это такое! — не на шутку рассердился

Влас. — Кому мы понадобились? Вот ты мне скажи! Что им от нас нужно?! — Он выругался, но все-таки подошел к телефону. — Да! А кто ее спрашивает? А, привет! У нас все нормально, сейчас я позову Машу, — услышала я, — Маша, это тебя, Овечкин.

Я вскочила с кровати и помчалась к телефону.

— Салют молодоженам! — гнусавил Женька в трубку. — Мне почему-то кажется, что я позвонил не вовремя.

— Да нет, все в порядке. Как вы с Икки проводите медовый месяц?

— Иккуля просто прелесть! Я так счастлив! Ты знаешь, мы даже ни разу на улицу не вышли! Оторваться друг от друга не можем!

— Машка! Как у вас дела? — Икки у Овечкинахватила трубку.

— Все прекрасно, вчера в ресторан ходили...

— А мы никуда не ходим! Целыми днями в кровати валяемся! А ты заметила, какие у нас чуткие подружки — они даже не звонят, чтобы не мешать нам! — Такого счастливого голоса у Икки, кажется, не было никогда.

— Вы поедете в свадебное путешествие?

— Сейчас нет. Мы решили на Новый год уехать. Ты ведь знаешь, нужно как можно быстрее ремонт в аптеке сделать. Мы и так несем колоссальные убытки! Женька, отстань! Ха! Ха! Ха! Овечкин, дай поговорить! Все, Машка, пока, пошла исполнять супружеский долг! — и Икки положила трубку.

Я тоже пошла в спальню в надежде исполнить свой супружеский долг, но у Власа уже изменилось настроение — лиричный лад куда-то улетучился, страсть его подостыла, слез умиления не было и в по-